

ОТКРОВЕННЫЙ РАЗГОВОР

ОТКРОВЕННЫЙ РАЗГОВОР

Различных версий о смерти Сталина и последовавших за ней переменах в руководстве страны высказано уже немало. И несмотря на это, интерес к данной теме не снижается, а поток публикаций, относящихся к ней, нарастает. Что и понятно: настоящее во многом определяется прошлым, а начало марта 1953 года стало для судеб нашей страны действительно переломным. В книге В.Доброва «Убийство социализма: как расправлялись с преемниками Сталина», выдержки из которой мы публиковали, его смерть и последующие кадровые перемены в руководстве страны расцениваются как государственный и партийный переворот, в результате чего к власти пришли мелкобуржуазные деятели в главе с троцкистом Хрущевым, с которыми Ленин, а затем Сталин боролись всю свою жизнь.

В книге показывается, что в нарушение всех партийных и законодательных норм с руководящего Олимпа были уалены те, в руки которых Сталин уже начал передавать реальную власть. Ключевую роль среди них играл П.К.Пономаренко, прошедший все ступени партийного и государственного руководства, ставший фактически преемником вождя. Предлагаем беседу В.Доброва с ныне здравствующим помощником П.К.Пономаренко Виктором Михайловичем НИКОЛАЕВЫМ.

— Уважаемый Виктор Михайлович, мне как автору книги не совсем удобно спрашивать ваше мнение о ней, да это и не главное в нашей беседе. Меня больше интересует другое: после выхода книги ряд историков и публицистов подвергли сомнению мои утверждения о том, что именно Пономаренко был преемником Сталина. Ведь практически никто из бывшего сталинского руководства об этом не писал и не говорил...

— Книга мне понравилась. Чувствуется, что она написана знающим и, главное, убежденным в правоте своих взглядов человеком. Сейчас таких убежденных среди авторов книг немного, за деньги готовы написать что угодно. Но лично я не знал о том, что Пономаренко был преемником Сталина, как вы утверждаете. Сам он мне об этом тоже не говорил. Сомнения в этом выражает и мой близкий друг, работавший в охране Сталина. Откуда у вас эти данные? Есть ли этому какие-либо документальные подтверждения? Вы ведь пишете, что документ о назначении Пономаренко Председателем Совета Министров был уже завизирован несколькими членами Политбюро и только внезапная смерть Сталина помешала исполнению его воли.

— Информацию об этом я получил из трех источников, совершенно не зависящих друг от друга, что косвенно подтверждает ее достоверность. О первом источнике упоминается в книге — это бывший сталинский нарком, а затем хрущевский министр Бенедиктов. Когда в 70-х годах, работая на Гостелерадио СССР, я брал у него интервью — Бенедиктов был тогда председателем Общества российско-индийской дружбы, — он и сказал мне об этом. Я сознательно провоцировал старика на откровенность и, похоже, «донек» его своими колкими вопросами. Бенедиктов, который терпеть не мог Хрущева, да и последующих партийных руководителей, не выдержал и «осади» меня, когда я повторил заезженный штамп о том, что Сталин якобы не задумывался над будущим и не готовил себе смены. Второй источник — другой сталинский нарком, Ковалев, который в беседе со мной также «проговорился» об этом. И Бенедиктов, и Ковалев были людьми сталинской школы. Им можно было верить. Просто так сталинские наркомы словами не бросались. Говорили только по делу и говорили то, что знали. Ни один факт, приведенный ими, не оказался «диловым». Я потом в этом неоднократно убеждался. Почему они сказали это мне? Потому что поняли, что я человек «их» убеждений и что я искренне пытаюсь докопаться до истины. И, наконец, третий источник — видный белорусский деятель, здравствующий и поныне. Не буду называть его имя, так как он сообщил об этом в доверительном порядке. Надеюсь, он еще подтвердит это публично.

— Бенедиктов и Ковалев были довольно далеко от меня. Я их плохо знал. Но то, что сталинские наркомы и министры слов на ветер не бросали, это совершенно точно. «Ягнину» просто так, не зная дела, для них было совершенно невозможно. Конечно же, в силу своего высокого служебного положения и постоянных контактов с членами Политбюро они знали куда больше, чем я. Это уже при Хрущеве и Брежневем начался период пустых слов и обещаний, а при Горбачеве словообудие достигло своего апогея... О нынешнем времени уже не говорю. Логика в ваших суждениях о Сталине и Пономаренко, несомненно, есть. Пантелеймон Кондратьевич действительно пользовался особым доверием Сталина и был человеком, заметно отличавшимся от других партийных и государственных руководителей. В лучшую сторону. И все же пока нет документа...

— Его могли просто уничтожить. Хотя, не сомневаюсь, рано или поздно какие-то документально-архивные подтверждения, пускай даже косвенные, все равно найдутся. Дело в том, что, придя к власти, Хрущев дал указание уничтожить документальные материалы, подпадающие его личную причастность к массовым репрессиям, в том числе и по отношению к невинным людям. Одновременно уничтожались документы, подтверждавшие полную обособленность предприятий Сталиным мер по изоляции и уничтожению «пятой колонии». То есть тех реальных и потенциальных инициаторов и преемников своей страны, которые наверняка ударили бы ей в спину в надвигающейся войне с гитлеровской Германией. Уничтожались и документы, где Сталин пресекал попытки осуществления репрессий «чужих», когда наряду с врагами могли расправиться и с честными людьми. Хрущев тут доставалось больше всего.

— Да, об этом писалось в литературе. Но есть ли документальные подтверждения?

— Конечно. Известна, например, одна из немногих чудом сохранившихся сталинских резолюций на записке Хрущева, где он предлагал резко увеличить число репрессированных, — «Уймись, дурак!». Не случайно Никита первым стал вопить о «кровавых сталинских репрессиях». Старо, как мир: «Держи вора!» громче всех кричит сам вор... Ну а с нашим доверчивым до глупости народом метод сработал, как говорится, на все сто процентов. До сих пор верят, что Сталин репрессировал честных и безвинных, хотя хрущевская ложь давным-давно опровергнута страшной трагедией, случившейся с нашей страной. Советский Союз развалили те самые мелкобуржуазные деятели типа Троцкого, Бухарина и им подобные, с которыми Сталин боролся всю жизнь. Нынешний «похабный» капитализм построили на разворовывании общенародной собственности, на циничном и подлом обмане всех нас те властные перерожденцы, те прохиниды и мошенники, которые в сталинский период сидели в тюрьмах. Заслуга Сталина как раз и состояла в том, что он все эти раковые клетки удалял еще на начальной стадии, не давая разрастись им в ту самую злокачественную опухоль, метастазы которой сегодня буквально парализовали страну. А идиоты, одуреченные лживой и своекорыстной пропагандой, продолжают запугивать себя и других мнимыми ужасами «сталинских репрессий»... Как бы не замечая реальных ужасов сегодняшнего дня, которые по своим масштабам многократно превзошли все то, что происходило в прошлом. В свое время я имел доверительную беседу с ответственным сотрудником КГБ, ныне покойным, который входил в одну из групп, созданных Хрущевым для уничтожения изболчавших его архивных документов. Он сказал мне, что, ознакомившись с этими документами, стал «стопроцентным сталинистом», подчеркнул несколько раз, что любой порядочный и честный человек рано или поздно поймет правоту Сталина.

— Задавали ли вы ему вопрос о документе насчет выдвижения Пономаренко?

— Конечно, но он об этом ничего не слышал, так же как и его друзья, работавшие в других группах. Но сразу же, кстати, сказал, что такой документ наверняка был — Сталин не мог не думать о будущем, тем более что его здоровье стремительно ухудшалось. А преемника из тогдашней «старой гвардии» выбрать он никак не мог — его давние соратники уже просто «не тянули», многочисленные документы со сталинскими резолюциями подтверждали это. Впрочем, нельзя заикливаться лишь на одном документе. Есть ведь другие, подтверждающие тот факт, что именно Пономаренко был преемником старейшего вождя. Причем их подлинность подтверждена свидетельствами очевидцев из разных политических лагерей.

— Что вы имеете в виду?

— В мае 1948 года, после того как Жданов, тяжело заболев, перестал руководить работой Секретариата Центрального Комитета, секретарями ЦК становятся представители молодого партийного поколения: А.Кузнецов, возглавлявший ленинградскую партийную организацию, и П.Пономаренко, первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии. Кузнецову было поручено курировать вопросы промышленности, Пономаренко — государственного планирования, финансов, торговли и транспорта. При обсуждении этого вопроса на Политбюро Сталин высказался в том духе, что для работы в Секретариате ЦК ВКП(б) надо привлечь некоторых молодых руководителей местных партийных и республиканских организаций из числа образованных и имеющих необходимый опыт работы. «Пусть перенимают опыт у нас, пока мы живы», — подчеркнул он, — и причуряются к центральной руководящей работе». Этот факт подтверждается в воспоминаниях ряда бывших членов сталинского Политбюро, включая и А.Микояна, люто ненавидевшего Сталина. Кузнецов, тогдашний Ельцин, выставивший за «самостоятельность» России, что было равносильно фактическому развалу СССР, был репрессирован по так называемому «ленинградскому делу» и, естественно, «выпал из обоймы». На радость старой партийной гвардии, тому же Хрущеву и Маленкову, которые сделали все, чтобы побыстрее утопить молодого конкурента. Но Пономаренко-то остался! Он-то не лез ни в какие политические авантюры, работал честно и добросовестно на всех порученных ему направлениях. Придраться к нему «старая гвардия» никак не могла. Тем более что Сталин его так и не удалял из числа своих преемников. Напротив, поручал все более сложные и ответственные участки работы, сделал, помимо секретаря ЦК, еще и членом Президиума ЦК — тогдашнего Политбюро.

П.К.Пономаренко (на фото — справа) и А.А.Андреев. г.Минск. 1939 год.

П.К.Пономаренко (второй справа) и А.А.Андреев.

В.М.Николаев; кандидат в члены Президиума ЦК КПСС, первый секретарь ЦС Казахстана П.К.Пономаренко (второй слева), Председатель Совета министров Казахстана Тайбеков; 2-й секретарь ЦК Казахстана Л.И.Брежнев и другие партийные работники в одном из совхозов. 1955 год.

ном Президиума ЦК — тогдашнего Политбюро. Короче, Сталин саматил себе преемников еще в 1948 году, открыто сказав об этом членам Политбюро и, забравшая Кузнецова, обкатывал Пономаренко на самых ответственных постах несколько лет. А вы требуете: покажите документ о назначении Пономаренко Председателем Совмина, тогда поверим! Но этот документ Хрущев и его приспешники должны были уничтожить в самую первую очередь. Может быть, даже и лично. Не поручая это никому другому. Ведь речь шла об их политической судьбе... А о своих шкурных интересах эта компания позабыта была. Да и вообще к тем якобы «архивным» документам, которые появляются сейчас в печати, надо относиться крайне осторожно.

— Могу сказать в связи с затронутой темой, что Пономаренко при всех своих незаурядных полити-

ческих, деловых и человеческих качествах находился как бы в отдалении от остального руководства. Не случайно после смерти Сталина его сразу же резко понизили, постаравшись подальше отодвинуть от решающих постов. Когда Пономаренко избрал первым секретарем ЦК Компартии Казахстана, Хрущев, ставший первым лицом в стране, никогда не звонил ему напрямую, а общался с ним через второго секретаря Брежнева, хотя это и было нарушением элементарной должностной и партийной этики. Даже Молотов, принадлежавший к другой группе в высшем руководстве, не выходил на Пономаренко напрямую. Помню как-то его телефонный звонок из Москвы в Алма-Ату, весьма странный по содержанию. Молотов решил передать Пономаренко, что его планируют и значить «руководителем Варшавского Договора», в связи с чем ему надо прибыть в Москву. Когда я сказал, что мог бы связать Пономаренко с Молотовым напрямую, тот не стал жидко, попросив лишь все ему передать. Мы потом с Пономаренко обсуждали эту тему и не могли никак понять, особенно странные слова о «Варшавском Договоре». Все выяснилось, когда Пантелеймон Кондратьевич прибыл в Москву. Его ожидало назначение послом в Польшу... В беседе со мной, кстати, Пономаренко как-то вспомнил о фразе, сказанной ему тогдашним членом Политбюро Кагановичем: «Не могу понять, почему ты один не в нашей команде». Хрущев же просто ненавидел Пономаренка и сделал все, чтобы его как можно раньше спровадили на пенсию, кстати, нищенскую по своим раз-

мерам. Не учли даже того, что Пантелеймону Кондратьевичу, когда он возглавлял Центральный штаб партизанского движения, было присвоено звание генерал-лейтенанта, он имел полное право на генеральскую пенсию. Чтобы хоть как-то обеспечить свое существование, он был вынужден продать свою библиотеку, которую собирал всю жизнь... чтение в отличие от малограмотного Хрущева Пантелеймон Кондратьевич очень любил. Да и во всех энциклопедиях и биографических справочниках о Пономаренко лишь несколько строк, либо вообще ничего. Даже его 100-летие прошло незамеченным. Хотя он действительно многое сделал не только для своей республики, Белоруссии, но и всей страны. Безразличие к выдающимся деятелям прошлого стало характерной чертой нашего «реформистского» времени. Но здесь безразличие какое-то подчеркнуто-умышленное.

— Вот видите, вы фактически подтверждаете то, что написано в моей книге. Сталин хорошо видел разницу между членами Политбюро, предупреждал их, что они могут передераться между собой после его смерти (что, впрочем, и произошло), и потому сделал ставку на фигуру нейтральную, которая могла бы примирить различные течения внутри Политбюро, обеспечить дружную и согласованную работу. Пономаренко идеально подходил для этого. Отторжение же его «старой гвардией», причем всеми ее группировками, так же как и последующий «заговор молчания» вокруг его имени, говорит только об одном — Молотов и другие члены тогдашнего руко-

водства знали, кого Сталин хотел назначить своим преемником, и понимали, что с точки зрения партии и государства вождь был совершенно прав. Но приход к рулю Пономаренко и других представителей молодого поколения неизбежно вытеснял бы «старую гвардию» с политической сцены, а ей этого никак не хотелось. Открыто придраться к Пономаренко было нельзя — он был честнейшим и добросовестнейшим работником. Вот его и стали травить, вытесняя из большой политики скрито, исподтишка. И прежде всего Хрущев, который применял любые средства для устранения своих конкурентов. Тем более что Пономаренко во многих отношениях был выше его на голову. К любому вопросу, в отличие от недалекого Никиты, он подходил основательно, с государственных позиций, тщательно выслушав все мнения и точки зрения, в том числе и противоречащие его собственной. И никогда угодливо не смотрел в рот вышестоящему начальнику. Ну как же Хрущев мог мириться с этим?

— Пономаренко, возглавляя белорусскую партийную организацию, часто выходил победителем из стычек с Хрущевым, хотя тот был членом Политбюро и принадлежал к другой, более высокой политической категории. Взять партизанское движение. Ведь Хрущев, придя к власти, все извратил. Стали вконец пропагандировать заслуги Федорова и Ковчака в партизанском движении на Украине. Хотя в Белоруссии это движение было более развитым и массовым. О Федорове и Ковчаке написано многое.

А великолепную книгу Пономаренко о партизанском движении, где события излагались правдиво и объективно, под разными предложениями не выпускали. И сильно урезали, когда она наконец-то вышла в свет. Кстати, уже после окончания Пантелеймона Кондратьевича. Когда организовывалось партизанское движение, Хрущев выдвинул предложение о создании крупных 7-тысячных бригад. Пономаренко же считал, что партизанские отряды должны быть небольшими и мобильными. Корень разногласий здесь — отношение к населению, к собственному народу. Многотысячные бригады надо было снабжать, естественно, за счет и без того полуголодного населения — получалась бы ситуация, когда «чужие» немцы и «свои» партизаны отбирали у людей продовольствие и все необходимое. Пономаренко в отличие от Хрущева, которому на построения людей было наплевать, считал недопустимым и абсурдным настраивать против партизан народ. Ведь партизанское движение по сути было народным. Сталин, чрезвычайно чутко относившийся к мнениям и настроениям людей, принял его сторону. Именно Пономаренко стал руководителем Центрального штаба партизанского движения, а не Сергиенко, ставленник Хрущева, который, кстати, возглавлял украинский НКВД. Сергиенко был крайне ограниченным и жестоким человеком, он не гнушался своими кулаками выбивать признательные показания у арестованных и хвалился этим, когда был в подпитии. Пономаренко, став руководителем партизанского движения, при первом удобном случае избавился от такого «соратника», навязанного ему Никитой Сергеевичем. Такие, без чести, совести, угодливые и готовые на все дела, были у Хрущева в фаворитах. Можно предположить, что бы он натворил, оказавшись на высоком посту.

— Но, видимо, ненависть Хрущева к Пономаренко объяснялась не только этим.

— Пономаренко говорил, что Сталин, разочаровавшись в Хрущеве, хотел еще в 1943 году сделать его вместо Никиты руководителем украинских коммунистов. Этого, однако, не произошло — в отличие от Пономаренко, у Хрущева были сильные заступники в Политбюро — Маленков, Берия, Булганин. А Сталин считался с позицией членов высшего руководства. Хрущев, конечно же, помнил все, что касалось его политической карьеры. Уже сейчас, задумываясь над прошлым, начинаю понимать, почему Хрущев сразу после войны стал переставать к себе, на Украину, способных белорусских руководителей. Он готовился схватке за влияние в партии с Пономаренко, который тогда пользовался среди коммунистов большим авторитетом. Кстати, Хрущев перетянул к себе и Петра Абрамисова, бывшего помощника Пономаренко. Он, в отличие от меня, умел держать «нос по ветру» и без колебаний перебежал в лагерь более сильного и перспективного в тот момент партийного деятеля. Как-никак Хрущев был членом Политбюро, входил в «старую гвардию». Пономаренко же занял ключевые посты в политическом руководстве на последнем, 19-м съезде партии, буквально за несколько месяцев до смерти Сталина.

— Но Пономаренко был вхож к вождю в значительно меньшей степени, чем Хрущев и другие члены «старой партийной гвардии». В своей книге я показываю, что с точки зрения Сталина это было большим «плюсом» — его преемником должен был стать человек самостоятельный, принципиальный, не привыкший во всем автоматически подкаиваться вождю, как это делали большинство его соратников, включая Хрущева. Но то был Сталин... А карьеристы и приспособленцы смотрели, оценивали все «величиной» поста и близостью к вождю — их тогда гораздо меньше было, чем в постсталинский период, но все равно они были. Хрущев умел использовать в своих целях это партийное «болото».

— И еще на одно хотел бы обратить внимание. Пантелеймон Кондратьевич много знал. Как-то раз он сказал мне, что лично видел Хрущева, стоящего на коленях в кабинете Сталина. Он умолял вождя простить своего сына, совершившего предательство во время войны и захваченного партизанами у немцев. Сталин отклонил просьбу Никиты Сергеевича, что он, конечно же, в силу мстительности своего характера, не простил. Между тем Сталин был выше личных мотивов, на первое место он ставил

С полным текстом документа можно ознакомиться в библиотеке